

ГЛАВА VI ВНОВЬ УМЕРЕННЫЙ АВТОРИТАРНЫЙ ИДЕАЛ («Этап застоя»)

САМЫЙ НЕРОМАНТИЧНЫЙ ЭТАП

Крах позднего идеала всеобщего согласия, его распад на составные элементы привел к обратной инверсии, к попытке построить идеал согласия где-то на пути между авторитаризмом и соборностью, вернуться к исходной точке этого движения, т. е. к авторитаризму, но в его ослабленном варианте. Это движение вновь проходило через вялую инверсию. Общее стремление к умеренному авторитаризму потребовало от правящей элиты *формирования новой, шестой версии псевдосинкретизма, где авторитарная ипостась вновь, как это было на втором этапе, выходит на первый план. Существенная разница, однако, заключалась в том, что в первом случае это было движение от соборности к крайнему авторитаризму, тогда как теперь это был этап противоположно направленного процесса, этап, на котором общество пыталось затормозить движение к локализму, к соборности.*

К власти пришло новое руководство во главе с Л. И. Брежневым (1964-1982), чье правление совпало с шестым этапом, получившим впоследствии название застойного. Любопытно, что аналогичное название в прошлом имел и соответствующий этап предыдущего периода. Новое руководство представляло собой коллективную олигархию, которая сформировалась как высший в обществе вечевой институт. Каждый его член был представителем некоторой могущественной части общества, одного из ведущих ведомств, регионов. По сути, в новом масштабе это было все то же собрание «золотых поясов», как в Древнем Новгороде, глав крестьянских дворов, общин и т. д., точнее — экстраполяция соответствующих ценностей на большее общество. Сохранение этой архаичной системы управле-

ния — свидетельство слабого развития неадминистративных форм интеграции.

По отношению к стране, ко всем мирам среднего и локального уровня это руководство обладало авторитарной властью, слабо связанной правовыми ограничениями. Оно в своих решениях руководствовалось принципом шаха, перерастающего в мат. Новое руководство, как и каждое из предшествующих, могло удержаться у власти, лишь формируя новую интерпретацию господствующего нравственного идеала, соответствующую сдвигам массового сознания. Эта интерпретация должна была создать основу для решения медиационной задачи, т. е. соединения деятельности медиатора с изменившимся реальным содержанием массового сознания. Официально общество стало рассматриваться как перешедшее на уровень развитого социализма, т. е. как достигшее относительно завершенного характера. Была сделана попытка сформировать власть и идеологию, максимально приспособленные к исторической инерции, лишённые романтизма прежних этапов. Господствующая идеология как бы говорила, что, наконец, именно теперь сформировалось разумное, сбалансированное, лишённое крайностей общество, воплощающее действительную суть социализма. Брежнев выразил эту мысль следующим образом: «Демократия социализма несовместима ни с казарменно-бюрократическими порядками, ни с анархическим своеволием в отношении к социалистическим принципам, нормам и законам»¹. Новая версия противопоставила себя как крайнему авторитаризму, так и стихии локализма. Многие западные советологи также прикнули к оценке этого этапа как определенного завершения внутреннего развития СССР после 1917 года.

Это был самый неромантический этап. Он характеризовался попыткой смещения господствующих ценностей от романтической мечты о завтрашнем дне к идеалу спокойной социальной удовлетворенности достигнутым. Воплощением этой идеи стала *новая конституция, которая носила открыто псевдосинкретический характер.* В ней содержались *взаимоисключающие идеи*, прежде всего идея народовластия и одновременно идея руководящей роли партии, записано бесконечное количество прав (например, право на жилище) без указания механизма защиты этих прав, т. е. фиксировалось фактическое отрицание этих прав, и т. д. Правящая элита, опираясь на механизм демона Максвелла, старалась нащупать некоторый уровень серого творчества, который, с одной сторо-

---

¹ Брежнев Л. И. Исторический рубеж на пути к коммунизму (1977)// Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1978. Т. 6. С. 636.

ны, обеспечивал бы государственность необходимой творческой энергией, а с другой — не разрушал бы медиатор.

Новый поворот не может быть объяснен закулисными интригами ограниченного круга лиц, так как сами эти интриги могли иметь шанс на успех, лишь опираясь на новые массовые тенденции. Новый порядок ознаменовался прежде всего ликвидацией последствий всех реформ, которые явно не соответствовали авторитаризму. Были уничтожены совнархозы — эти локальные фокусы управления, которые свидетельствовали об уходе власти из центра. Было восстановлено организационное единство партии, ликвидировано разделение на промышленные и сельские обкомы (крайкомы) партии. Система синкретической государственности вернулась к централизованному варианту, где власть миров среднего, а также нижнего уровня была уменьшена во имя централизации. Poleмика с прежним первым лицом носила скрытый характер, его имя вполне в стиле Оруэлла исчезло из всех публикаций. Ценности прежнего этапа фактически рассматривались как несуществовавшие. Разумеется, при этом возник вопрос о преемственности нового этапа. Эта проблема стала постоянным предметом борьбы. Новые лидеры не могли принять по этому поводу ясного и последовательного, нехромающего решения, так как продолжение критики сталинизма неизбежно превращалось в критику не только крайнего, но и умеренного авторитаризма, подрывало идеологические основы нового порядка. Но вместе с тем реабилитация Сталина, отказ от наследия XX съезда означали бы критику ограниченности авторитаризма, что прямой дорогой вело к террору, к обоснованию правомерности открытого произвола высшей власти, первого лица. Это вступило бы в конфликт со сложившимся уровнем локализма, со стремлением социальных слоев низшего и среднего уровня защитить себя, свои воспроизводственные функции от насилия и произвола. Система, как и на предшествующем этапе, старалась избежать крайностей. *В отличие от прошлого этапа, где первое лицо пыталось непосредственно опереться на локальные миры, на самоуправление на местах, причем сочетая это с попытками усилить свою личную власть, правящая элита теперь пошла по пути подавления соборного идеала авторитарным, т. е. авторитарная ипостась псевдосинкретизма опять вышла на первый план.*

УСИЛЕНИЕ АВТОРИТАРИЗМА

Новое руководство почувствовало в массовом авторитаризме ту основу, опираясь на которую, оно могло бы эффективно

управлять страной. Его объединяло с массовыми настроениями недовольство сложившимся порядком и *стремление к стабильности, стремление искать альтернативу существующему не в формировании нового веера альтернатив, а в некотором переборе уже накопленных в культурном богатстве вариантов действий.*

Аппарат власти, опираясь на эту новую, шестую версию псевдосинкретизма, предпринял повсеместную попытку ужесточить контроль над каждым сообществом, усилить централизацию в распределении дефицита, в принятии решений вообще, подчинить все жизненные процессы медиатору. Любопытно, что это стремление сопровождалось попыткой опереться на обычаи, сделать ставку на формирование советских ритуалов. После XXV партийного съезда орган ЦК КПСС газета «Правда» опубликовала статью «Советскому человеку — новые обряды»². Усилилось стремление применять принудительный труд. Если раньше речь шла лишь о сельскохозяйственных работах, что оправдывалось сезонными пиками, то затем людей стали отправлять на стройки, различные базы, в хранилища в целях помощи нерентабельным организациям, не справляющимся с планом. В письме, подписанном ста двадцатью работниками завода «Эталон» (Кишинев), написано, что горисполком вводит «принудиловку», т. е. систематически в течение трех лет использует принудительный труд для уборки улиц³. Подготовка к Олимпиаде 1980 года также послужила важным фактором усиления принудительного труда. Уже в то время просачивались сведения о насильственном переселении крестьян в Средней Азии с целью освоения новых земель. На местах изобретались всё новые, подчас причудливые формы принудительных мероприятий — от навязывания билетов на стадионы до сбора взносов в разного рода общества и принудительного донорства для студентов. Школьное начальство могло потребовать, чтобы каждый ученик принес в школу по кролику, очевидно, для выполнения плана района по мясопоставкам⁴.

Разумеется, масштабы государственного крепостничества были уже не те, что во времена Сталина. Если тогда можно было остановить поезд, проходящий через область, для того чтобы выполнить план по арестам «врагов народа», то теперь дело ограничивается почти безобидной остановкой рейсовых автобусов, с тем чтобы заставить пассажиров убрать участок хлопка. На местах процветало творчество в изобретении форм применения принудительного труда. На алма-атинском хлоп-

² Правда. 1976. 28 мая.

³ Там же. 1979. 26 июля.

Там же. 1978. 22 янв.

чатобумажном комбинате, имевшем свой жилой фонд, ордера жильцам не выдавались. Это значит, что люди юридически считались временными жильцами, лишались площади в случае увольнении, не имели права сменить квартиру, не могли, например, записаться в библиотеку, пользоваться кредитом и т. д.⁵ Формировался слой так называемых «лимитчиков», т. е. лиц, получающих в крупных городах временную прописку и не имеющих возможности сменить работу, одновременно оставаясь в городе. Существовала практика запретов выезда с места жительства в разгар сельскохозяйственных работ и т. д. Возможности манипуляций людьми порождали у власти иллюзии, что вместо конструктивных решений можно попросту затыкать дыры, перебрасывая дефицитную рабочую силу из одного места в другое.

Среди сфер, где авторитаризм утвердил себя с особенным «успехом», можно назвать науку. Существенно ужесточился контроль за научной работой, за процедурой защиты диссертаций, за самой возможностью публикаций, за встречами ученых. Наука ввиду своей способности получать непредсказуемые результаты по определению несовместима с авторитаризмом. Переход на его рельсы требовал определенной сакрализации и одновременно персонализации власти. Нужен был вождь, способный воплотить в себе представление о тотеме-батюшке. Однако новая власть не имела харизматического характера, не опиралась на массовую веру в вождя, несущего Правду. Сам Брежнев апеллировал к авторитету партии, которая исторически сложилась как институт власти, как источник престижа для ее руководства, подобно институтам старой власти, вне которых царь не существовал. Однако партия обладала важными недостатками. Она некогда утвердилась как антигосударственная сила, способная возглавить борьбу против начальства и государства. Это мало способствовало тому, чтобы государственность могла постоянно черпать в ней социальную энергию. Сама партия черпала свой авторитет у харизматических вождей недавнего прошлого и, следовательно, была весьма плохо приспособлена для решения противоположной задачи — придания авторитета вождю. Между тем новое руководство оказалось поразительно безликим, прошедшим через штамповочную бюрократическую машину и не могло претендовать на харизму. Это была самая непопулярная власть в стране с октября 1917 года. Попытка апологетики сложившегося порядка, попытка трактовать его как развитой социализм была, кроме всего прочего, и попыткой высшего руководства,

⁵ Правда. 1978. 4 февр.

первого лица получить дополнительный престиж, используя позитивно интерпретированный результат предшествующего развития, стать как бы результатом и элементом этого развития. Нельзя, однако, забывать, что партия была в глазах народа воплощением начальства и, следовательно, объектом ненависти, враждебности,— впрочем, как и всякое начальство в истории страны. Но в нравственной основе общества происходили и определенные позитивные сдвиги, выходявшие за рамки инверсионного поворота к авторитаризму. Власть могла опереться на растущий утилитаризм, на массовую веру в то, что она способна обеспечить растущий поток утилитарных благ. Если раньше народ требовал у тотема-батюшки земли, различного рода «милостей», «послаблений», то теперь люди рассчитывали на поток квартир, продуктов, на повышение доходов и т. д. Это был серьезный позитивный для власти элемент, значение которого неуклонно возрастало. Но эти утилитарные экспектации требовали постоянных экономических успехов, что было весьма проблематично, ставило высшую власть в прямую зависимость от количества ресурсов, которыми она могла располагать для удовлетворения возрастающих потребностей населения и производства.

МОНОПОЛИЯ НА ДЕФИЦИТ

На шестом этапе стал достаточно явным ранее скрытый феномен общественного развития страны, который можно назвать монополией на дефицит. Впрочем, о его скрытости можно говорить весьма условно. Народное сознание давно зафиксировало его существование в виде формулы «Блат выше совнаркома», фиксирующей *возможность разрешения проблем не через всеобщий порядок, но посредством системы личностных связей*. Научные исследования этого явления, его места и роли в стране существуют лишь в зачаточной степени, главным образом как разоблачение бюрократии, т. е. как некое частное явление. Между тем монополия на дефицит — всеобщее определение хозяйственного порядка России с определенного этапа ее развития.

Дефицит как таковой, т. е. более или менее устойчивая нехватка некоторых ресурсов (от сырья и товаров до новых идей и квалифицированных чиновников) может иметь место в любом обществе. Развитие рыночных отношений, демократии можно рассматривать как механизм преодоления дефицита в его разных видах. Для России прежде всего представляет интерес анализ дорыночных форм дефицита, т. е. при отсутствии или недостаточном развитии механизма его преодоле-

ния. В России в результате раскола возникла общественная система, где дефицит стал постоянным определяющим фактором социокультурной жизни. Это произошло в результате разрыва между потребностями общества в росте количества и разнообразия ресурсов и существенным отставанием массовых потребностей в формировании форм воспроизводства, необходимых для обеспечения этой возможности. Напряженность этой ситуации привела к формированию естественных монополий на ресурсы.

Исторически такие монополии вырастают из собственности, из владения условиями, средствами труда, воспроизводства, из складывающихся на этой основе рентных отношений. Монополия на дефицит состоит в получении ренты не только за собственность на условия и средства, но и за результаты труда, за любой продукт, в котором окружающая социокультурная среда испытывает возрастающую потребность. Это напряжение, если оно не реализуется в соответствующем росте производства, неизбежно усиливает общее состояние дефицита на те или иные ресурсы, потребность в которых институционализируется монополией, т. е. каждое сообщество тяготеет к превращению в монополиста. Специфика подобного явления не в захвате различными монополиями рынка, а в нарастающей зависимости определенного круга потребителей от держателя дефицита, сложившегося на дорыночной основе. Эти потребители могут находиться на территории всей страны, если производитель один. Но они могут находиться и в ограниченном ареале, в одной деревне, если потребитель не может ввиду ограниченности своих возможностей обратиться к другому производителю. Мощным стимулом усиления монополии на дефицит является прогресс в разделении труда, сопровождающийся ростом разнообразия массовых потребностей. Если процесс разделения труда не коррелирует с соответствующим ростом производства, то институциональный рост монополии на дефицит на архаичной рентной основе неизбежен.

В условиях роста городов, потребностей в затратах на армию и т. д. каждый крестьянин мог превратиться в субъект монополии на дефицит. Однако существующие в обществе механизмы изъятия у крестьян продукции означали, что фактически этим монополистом становилось прежде всего государство. Его власть опиралась на возможность принудительного перераспределения дефицита. В свое время эта роль государства ослабла, начиная с 1907 года, т. е. с отмены выкупных платежей, что расширило возможность крестьян распоряжаться большей долей своей продукции. Центр монополии на хлеб переместился к крестьянам. В полной мере это выявилось пос-

ле начала первой мировой войны и последующей разрухи. Тогда монополия на хлеб стала синонимом возможности существования. Последовательные попытки царской власти, Временного правительства, большевиков частично или полностью вернуть высшему центру монополию на дефицит (прежде всего на хлеб) в конечном итоге привели не только к конфликту с основной частью населения, но и к подрыву стимулов производства. Вынужденный переход к нэпу был по сути попыткой предотвратить с помощью допущения и развития товарно-денежных отношений восстановление монополии крестьян на дефицитный хлеб. Рынок, по крайней мере в тенденции, должен был подорвать саму возможность монополии на дефицит. Однако в стране не было условий для быстрого и всестороннего роста рынка, для преодоления дорыночной монополии. Это привело к тому, что денежные отношения города и деревни, которые государство попыталось стимулировать, превратились в своего рода фикцию, т. е. не стали регуляторами потока ресурсов и тем более стимулом увеличения их производства. Крестьянство, продавая второстепенную продукцию своего труда, с легкостью платило денежный налог, т. е. тем самым оно отдавало государству денежную фикцию, оставляя хлеб себе. Таким образом, монополия на дефицит хлеба перешла к крестьянству. Государство потеряло эту монополию, которая была наследием предшествующей истории. Убедившись в этом, советское большевистское государство молниеносным разрушительным ударом вновь захватило монополию беспрецедентными методами и в беспрецедентных масштабах. Это событие в должной степени еще не осмыслено как важнейшая веха борьбы в обществе вокруг монополии на дефицит.

Система монополии на дефицит началась, видимо, с момента резкого возрастания потребностей в ресурсах при явном отставании их получения, при отсутствии соответствующего новому уровню потребностей развития рынка. Это можно отчетливо наблюдать в царствование Петра I и на последующих этапах. Однако эта система постоянно подвергалась критике, давлению со стороны пробивающихся рыночных отношений, которые потенциально создают основу для порядка, не знающего монополии на дефицит. Рынок переворачивает отношения «производитель — потребитель», устанавливает зависимость первого от второго. Однако эта альтернатива в конечном итоге не нашла должной массовой поддержки. Борьба в обществе переместилась в сферу борьбы между разными уровнями держателей монополии на дефицит.

Гибель крайнего авторитаризма во втором периоде была одновременно крахом господства государства как единствен-

ного держателя дефицита. На следующем этапе была сделана неудачная попытка разделить эту монополию между разными уровнями и тем самым достигнуть всеобщего согласия. Однако банкротство этого порядка толкнуло государство на путь возврата к своей монополии на дефицит. Специфика шестого, «застойного» этапа оказалась в том, что как никогда общая сложность хозяйственного порядка и относительная слабость государства обнажили со всей очевидностью то, что ранее было упрятано за разными идеологическими мифами: в основе нашего общества лежит то ослабляющаяся, то усиливающаяся до ожесточения борьба разных уровней держателей монополии на дефицит. Выявились в полной мере, что в обществе каждое сообщество является держателем определенного дефицита. Социальный престиж сообщества, получение утилитарных благ определяются способностью сохранить и реализовать свою монополию. Конструктивная напряженность соответствующего сообщества нацелена на постоянное воссоздание этой монополии. Это достигается стремлением усилить зависимость общества, всех сообществ, отдельных лиц от монопольной функции данного сообщества, от его деятельности посредством превращения результатов последней в дефицит.

Монополия на дефицит, следовательно, есть форма социально-экономической связи сообществ с другими сообществами, с обществом в целом. Социальный и хозяйственный статус человека в условиях господства монополии на дефицит определяется дефицитом, которым он располагает. В той или иной степени дефицитом, хотя и далеко не равнозначным, распоряжаются все сообщества, ведомства, учреждения.

На первый взгляд, социальному престижу дефицита противостоит порядок, по которому сообщества при авторитаризме лишены права свободной реализации и вынуждены руководствоваться утвержденными ценами, нарядами, прямыми указаниями и т. п. Но все это говорит о попытках власти в максимальной степени централизовать распределение дефицита, подчинить своему авторитету, а отнюдь не ликвидировать сам принцип. Борьба вокруг разных версий псевдосинкретизма идет не за уничтожение дефицита, его основ, а вокруг его распределения. Даже самые жесткие формы авторитаризма не способны лишить нижние этажи какого-то ограниченного права распоряжаться дефицитом. Там, где эта возможность сводится к нулю, имеет место дезорганизация (например, в колхозах в период крайнего авторитаризма). Вместе с тем неразбериха планов, организационная неопределенность, сложная система инструкций и отсутствие реальной правовой

защиты интересов потребителя создавали широкие возможности использования дефицита в интересах сообщества — держателя дефицита.

Попытка воспроизводить в масштабе общества систему отношений древней семьи превращает народнохозяйственное планирование в деятельность в основном по распределению дефицита. Балансовый метод являлся основным в планировании. Его задача — найти соответствие между потребностями и дефицитными ресурсами главным образом чисто административными методами, т. е. прямым распределением дефицита. В сущности, большак в патриархальной семье делал то же самое. Воспроизведение древней схемы в масштабах общества привело к тому, что *функция распределения превратилась в тайну руководства.* Хотя сам процесс распределения легален, на деле все его бесчисленные тонкости, его живая плоть окружены непроницаемой тайной. Сделать этот процесс гласным значило бы подвести под него некий общезначимый, т. е. выходящий за рамки данного сообщества, нравственный принцип. Но какому принципу можно следовать, если на десять пар зарубежных дамских сапог, поступивших в магазин, имеется бесконечное количество желающих их приобрести? Можно было бы создать совет пенсионеров, который решил бы на основе справок, ходатайств и т. д., кому именно их следует продать. Но способен ли подобный совет справиться с гигантской толпой, которая, несомненно, пыталась бы попасть на заседание и, следовательно, создала бы новый дефицит, т. е. право представлять членам комиссии свои справки и соображения по поводу справедливости? Можно было бы поднять цены в соответствии со спросом. Но не говоря уже о том, что такая цена при избытке денег у части населения могла бы быть чудовищно высокой, сам подобный акт имел бы смысл лишь в том случае, если бы избыток прибыли шел на производство сапог. Но это требовало бы иной хозяйственной системы. Практически в любом случае в условиях монополии это распределение как раз и являлось для данного сообщества, для людей, выступающих от его имени, формой извлечения энергии и ресурсов из окружающего социального пространства, формой укрепления социального престижа, способом укрепления своей монополии. Это не результат эгоизма, алчности, злой воли, но следствие социокультурного противоречия между культурой и сложными социальными отношениями. Их конструктивная напряженность, как и в древности, требует воссоздания неизменных отношений, но в обществе уже созрело стремление к росту благ. Люди еще не научились рассматривать окружающее социальное пространство как сферу творческого приложе-

ния сил, сферу установления связей, способствующих повышению результативности собственного труда.

Продавец не может выбросить дефицитный товар на прилавок, не провоцируя столкновение между потребителями. Определить, кому товар более необходим, он тоже не может. Остается или воспользоваться дефицитом самому, или предложить своим знакомым, возможно, не потребовав даже вознаграждения. Если он даже и не возьмет лишних денег, хотя каждый готов заплатить, он выигрывает, получая доступ к дефициту, сосредоточенному в других руках. *Дефицит есть средство добывания другого дефицита* — путевки в санаторий, места в больнице, хорошего мяса, справки из ЖЭКа и прочих вещей, которые и составляли содержание жизни советского человека. Таким образом, строилась целая система отношений по поводу дефицита. В эту систему включались и те, кто стоит на нижних ступенях социальной лестницы. Уборщица овощного магазина, например, находилась в лучшем экономическом положении, чем уборщица строительного треста, — первая может приобретать более свежие и доброкачественные овощи. В эту систему отношений включен и директор магазина, который обменивается предметами дефицита с теми, от кого зависит снабжение магазина и другие услуги.

Все министерства и ведомства на шестом этапе вынуждены «выбивать» для своих предприятий дефицитное сырье, станки, валюту и т. д. В отношении дефицита вовлечено Политбюро, поскольку ему принадлежало последнее слово в решении кардинальных вопросов распределения дефицита, прежде всего капиталовложений. *Отношения дефицита всеобщие, охватывая всех — от вахтеров до первого лица в государстве.*

Дефицитными являются не только вещи и услуги, но и определенные пространственные и временные отрезки. Так, Москва, например, выступала как острый дефицит для желающих получить московскую прописку и работу. Право разрешения на прописку, а следовательно, на работу — монополия власти, ее прерогатива. Несмотря на то, что система крепостничества была значительно смягчена, сложность, которую представляла перемена места жительства, была чрезвычайно велика, поскольку жилым фондом в основном распоряжается государство.

Особо дефицитны на шестом этапе были разрешения на поездки за границу: граждане делились на «выездных», т. е. включенных в отношения по поводу этого вида дефицита, и «невыездных», находящихся вне их. *Дефицитным подчас становится время*: период заседаний XXV съезда КПСС, например, был дефицитным, что выражалось в улучшении снаб-

жения населения, в ужесточении режима в местах заключения, в активизации преследований инакомыслящих и т. д. Все снабжение товарами широкого потребления было подчинено принципам распределения дефицита: различные города и районы, больницы, звенья пенитенциарной системы и т. п. занимают свое место в системе отношений дефицита. Сама функция приема на работу на выгодные и престижные должности является одной из форм обмена дефицитом. В некоторых престижных учреждениях значительная часть сотрудников принималась на работу в результате стремления их руководства усилить обмен дефицитом, укрепить свою монополию.

О том, что дефицит не просто недостаток вещей, продуктов, а *особый тип социальных отношений*, свидетельствовал, например, дефицит бумаги, который, в отличие от других видов дефицита, афишировался. Ссылаясь на него, можно было бесконтрольно распоряжаться издательствами, сокращая тиражи одним изданиям, открывая зеленую улицу другим. Отношения дефицита характерны тем, что делают туманным, юридически неуловимым само понятие «злоупотребление». Отношения дефицита неразрывны с коррупцией. Создаются основы круговой поруки тех, кто получает от него различного рода выгоду, в том числе и систематическую ренту, часто в денежной форме. В повести В. Войновича «Иванькиада» крупный чиновник — держатель дефицита (от него зависит издательские планы) использует его для получения дефицита, которым располагает председатель жилищного кооператива писателей, сам писатель. Чиновник нуждается во второй квартире для расширения своей жилплощади в том же писательском кооперативе. По мнению Войновича, здесь имеет место взятка, но особого типа: «Обычно хотя бы дающий взятку несет при этом материальный урон, здесь же при взаимном обмене взятками все остаются с прибылью. Потому что Иванько (чиновник.— А. А.) предлагает взятку из государственного кармана, а его контрагенты взамен дают ему квартиру, которая им не принадлежит... Они ни от кого не скрывают, что делают, для чего и какими средствами»⁶. В таких случаях трудно определить, где именно начинается нарушение закона: в конце концов, нигде не сказано, что воспрещено печатание книг председателя жилищного кооператива или улучшение условий жизни крупного чиновника. Возможно, получение семьей двух квартир есть нарушение, но и в этом нет уверенности, так как никто не знает, каковы нормы для того, кто курирует работу издательств страны. Это тайна.

⁶ Войнович В. Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру. (Самиздат.) 1975.

Не случайно советское право не знает принятого в старом праве разделения взяточничества на лихоимство (получение подарка как вознаграждения чиновнику за нарушение) и мздоимство (вознаграждение за выполнение законных служебных обязанностей). Дефицит выступает в качестве валюты, системы коммуникаций, силы, формирующей социальные отношения. Дефицит имеет тенденцию превращать по крайней мере некоторые виды бесплатных услуг в платные: рабочие ЖЭКов, обязанные обслуживать жильцов бесплатно, берут за это деньги, ссылаясь на реальный или мнимый дефицит материалов; нелегально оплачивается медицинское обслуживание.

Дефицит определял образ жизни советского человека. Рядовой гражданин постоянно сосредоточивался на том, что необходимо что-то «достать», «поймать», «схватить». Он напоминал древнего охотника. Но для последнего охота была его работой, тогда как наш человек должен был еще и ходить на работу. Все постоянно разыскивали каких-то знакомых, которые помогут устроиться в больницу, достать путевку, поступить в институт и т. п. Все это было вполне естественно — ведь все блага двигались по каким-то скрытым каналам, и доступ к ним — главная проблема. Рядовой покупатель не имел даже представления о многих товарах, которые поступают в магазин, но не на прилавки.

Любая сложная задача решалась посредством проникновения в скрытые каналы дефицита. Каждое сообщество всеми средствами защищало право на свой дефицит, охраняло его тайну. Одним из способов защиты тайны дефицита от непрошенных претендентов являлась система нарядов, справок, отношений, с помощью которых выигрывается время и происходит отсев части претендентов, а вместе с тем нарождается новый дефицит — на справки. Система справок имеет собственную логику, собственную иерархию. Моя младшая дочь Оля говорила в то время, что существуют справки-дедушки, т. е. те, которые необходимы для получения по крайней мере двух последующих поколений справок.

Дефицит в чисто традиционном обществе может возникать в результате резких колебаний в природных условиях (например, дефицит пищи в результате засухи). Дефицит может носить характер некоторого нарушения, возникшего главным образом в силу внешних причин. В либеральном обществе дефицит, если он возникает, например, в результате энергетического кризиса, служит стимулом для развития производства, для поиска новых обходных путей его преодоления. В принципе дефицит — это стимул, активизирующий жизнь сообщества.

В советских условиях медиатор постоянно стремился компенсировать дефицитом неэффективность денежной оплаты рабочих и служащих. Это особенно ярко видно в сельском хозяйстве, где приусадебный участок дается колхозникам и работникам других сельскохозяйственных предприятий как условие их работы. Угроза отрезать приусадебный участок или лишить сенокоса весьма действенна. Само право пользования дефицитом, например, землей, обусловлено обязанностью работы на владельца этого дефицита, т. е. на государство. Надежда на получение такого дефицита, как квартира, возможность пользоваться ведомственными детскими учреждениями, дополнительным источником снабжения и т. д. — все это формы дефицита, дополняющие денежную оплату. *Дефицит является мощной силой, привязывающей личность к рабочему месту, задающей ей программу деятельности.*

Система дефицита способствовала тому, что сообщества старались удержать в руках запчасти, сырье, оборудование, лишних работников и т. п. — по древнему принципу «запас карман не тянет». Это приводило к накоплению, нерациональному использованию и потере натуральных продуктов, сплошь и рядом в весьма значительных объемах. Существование монополии на дефицит не опирается на ясный общепризнанный нравственный принцип и окружено тайной; оно постоянно питало недовольство. Монополия на дефицит противоречит синкретической нравственности традиционного общества. Она одновременно противоречит ценностям роста и, развития, поражая воображение повсеместной экономической неэффективностью.

Дефицит — средство, которым руководство сообщества, всей страны обеспечивало ее единство, связь ее частей. Все сообщества зависели от организаций более высокого ранга, так как там распределялся дефицит (капиталовложения, зарплата и т. д.). Все это — мощное средство, привязывающее часть к целому, личность — к организации, каждую организацию — к организации более высокого порядка.

Соотношение разных групп держателей дефицита — важнейшее условие решения медиационной задачи. Нравственность, версии псевдосинкретизма, тяготеющие к авторитаризму, сдвигают вверх центры распределения дефицита, что, однако, связано с ослаблением творчества, с опасным ростом дефицита. Версии нравственности, тяготеющие к почве, приводят к сдвигам вниз этих центров, что, однако, связано с опасным ростом неспособности общества мобилизовать дефицит и использовать его как средство интеграции. Оба варианта, следовательно, несли в конечном итоге одну и ту же

опасность потери правящей элитой ресурсов дефицита, необходимых для повседневного решения медиационной задачи, т. е. угрозу катастрофического развала всей организации общества.

Противоречивость формы руководства страной посредством распределения и перераспределения дефицита заключается в том, что исторически она возникла в результате преобладания в псевдосинкретизме синкретических перераспределительных ценностей в ущерб ценностям роста и развития производства. Этот метод еще имел относительное оправдание в период индустриализации, когда речь фактически шла о размножении готовых образцов. Однако он сохранился и тогда, когда потребность в качественном развитии стала вопросом существования производства. Сам метод разрешения всех острейших задач общества посредством оперирования дефицитом не создает условий для разрешения перспективных задач. *Он вынуждает начальство самого высокого ранга погружаться в решение задач оперативного управления и, следовательно, пренебрегать проблемами развития.* Над всей системой руководства витает жестокая потребность постоянного разрешения острейших повседневных проблем, *текучка пожирает все силы системы управления.* Любопытно, что именно эта способность правящей элиты бесконтрольно распоряжаться ресурсами страны рассматривалась в обыденном сознании и, в несколько завуалированной форме, в теории как главное преимущество социализма.

С дефицитом связано множество мифов. Массовое сознание видит в дефиците явление случайное, зависящее от временных неполадок, например, неурожая, или, наоборот, показатель фатального бессилия человека перед космическим злом, т. е. нечто извечно характерное для всего мира. Иногда дефицит рассматривается как результат расширения потребностей, роста городов и т. д. Все эти точки зрения — лишь модификация древнего статичного идеала жизни, через них совершенно невозможно осмыслить причины дефицита. Существование дефицита дает стимул широко распространенной концепции перерождения социалистической революции в России, термидорианского переворота. Она предполагает, что какие-то злые силы (агенты царской охранки или недорезанные буржуи) исподтишка захватили власть, вновь поработили народ и приняли его эксплуатировать. Главный довод сторонников этой точки зрения заключается в ссылке на систему распределения благ, в соответствии с которой блага растут при переходе к высшим этапам власти. Подобный подход, однако, ошибочен по крайней мере по двум причинам. Прежде всего, существо-

вавшая система распределения распространялась на шестом этапе на все общество без исключения, а не только на правящую элиту. Специфика распределения сложилась в результате банкротства уравнительности, идеала всеобщего равенства. Правящая элита использует ту же самую систему дефицита, что и уборщица овощного магазина, отбирающая для себя лучшие овощи за счет других покупателей. Разумеется, втайне присваивая дефицитные блага, правящая элита снижает уровень потребления остальных, но разве рабочий пользуется ведомственным домом отдыха и квартирой своего ведомства не за счет остального населения? Разве те, кто достает что-то «по благу», по знакомству, не лишают при этом кого-то другого этих благ?

В системе дефицита жили все, хотя и в разной степени пользуясь ее благами. Отчасти это отражает тенденцию формирования сословности. Дефицит — не результат узурпации власти, но результат согласия на него общества, результат системы ценностей, нацеленных прежде всего на адаптацию к сложившимся условиям, а не на предпринимательство. Та же уборщица могла оставлять гниль покупателям лишь потому, что те в массе своей были согласны на это, не стремились к самоорганизации в целях самозащиты, например, к созданию потребительских обществ, к собственной ответственности за обеспечение справедливого распределения, за производство и государственное управление. Каждый локальный мир во всеоружии традиционных ценностей стал на пути роста всеобщей экономической связи, строя бастионы натурализации, автаркии, унификации, незаинтересованности в том, что делается за пределами локального мира.

Деньги оказались оттесненными в узкую сферу и, следовательно, не приобрели характера реальной всеобщей связи. Всеобщая связь в условиях господства монополии на дефицит формируется через непосредственную связь парадоксальным образом как *псевдовсеобщая*. Она формируется через непосредственную связь каждой ячейки с рядом соседних. В этом случае отношения поддерживаются, как в глубокой древности — обменом натуральных благ, информацией, подарками. Эта связь представляет собой лишь *примитивную незрелую имитацию всеобщности связи*, так как она всего лишь результат суммирования бесчисленных локальных связей. Тень всеобщего незримо присутствует в бесконечном обмене натуральных товаров и услуг: стекло, картофель, книги, металл, сырье, водка и все, что угодно, используется как деньги, т. е. как то, на что можно купить, обменять все, что необходимо для воссоздания своей собственной организации, выполнения госу-

дарственного плана, достижения личных целей, установления любых связей: технических, экономических, культурных и т. д. Например, Харьковский завод подъемно-транспортного оборудования обменял сто тонн металлопроката на веретенное масло, кислород, углекислый газ и пиломатериалы⁷. Отсюда — неопределенность различия между взяткой и подарком, возникновение экономической базы для взяток «борзыми щенками» по образцу гоголевского судьи Ляпкина-Тяпкина⁸.

Даже отношения рабочих, определяемые технологией и организацией, реализовались, обрстая личными отношениями, включающими обмен услугами, поблажками, дефицитом. Сам престиж личности определялся возможностями в предоставлении дефицита. Передача сырья, заготовок, инструмента, т. е. обеспечение возможности элементарно трудиться на рабочем месте, становилась важной услугой, подчиненной движению дефицита. Отношения на производстве зависели от отношений социальных престижей людей, которые определялись их связями, возможностью распоряжаться дефицитом, получать доступ к нему. Вся плановая деятельность реально существовала как обмен дефицитом. Например, директор завода приводит слова другого директора: «На меня навесили столько, сколько я сделать все равно не смогу, поэтому буду выдавать только тем предприятиям, которые пришлют мне прессовщиков и еще помогут точить детали, и еще, и еще». Далее рассказчик от себя добавляет: «Ну что? Шлем прессовщиков, делаем все, что делают заводы, которые имеют фонды, да плюс еще целый ряд работ. И только поэтому получаем, что нам нужно. За счет заводов, которые не получают, даже имея фонды»⁹.

Воспроизводство в каждой точке подчинялось необходимости достать, получить, вырвать некоторый набор необходимых вещей, пробить некоторый локальный мир для получения от него милости, услуги, подачки. В каждой точке целого сидит владелец дефицита, власть которого неуклонно растет, пока в обществе не получил влияние в достаточных масштабах иной порядок.

Официальная наука не осознавала значения дефицита для понимания сложившегося порядка вещей. Сторонники экономического материализма не заметили, что отношения, связанные с монополией на дефицит, давно уже стали определяющими в обществе. Слова «дефицит — великий двигатель общественных отношений» принадлежат не советскому социологу или экономисту, а великому трагику-комику А. Райкину.

⁷ Правда. 1982. 18 февр.

⁸ Гоголь Н. В. Ревизор// Собр. соч. в 8-ми т. М., 1984. Т. 4. С. 11.

⁹ Литературная газета. 1979. 27 мая.

В странах, которые находились в сфере влияния СССР, подобные процессы могли иметь свою специфику, смягчаться существованием в явном или скрытом виде развитых форм утилитаризма, зачатков либеральных социальных интеграторов, ограниченных форм личной инициативы, определенного рынка, осознанием ценности торговой деятельности, возможностью вкладывать ресурсы в производство независимыми инициативными людьми.

РАЗНОМЫСЛИЕ

Важнейшей проблемой, с которой столкнулось новое руководство, было существование разномыслия. Разумеется, люди, которые отказывались придерживаться господствующей идеологии, существовали всегда. Более того, *специфика гибридного характера псевдосинкретизма неизбежно означала, что каждый человек тяготеет к одной из ипостасей господствующей идеологии, неизбежно нес в себе, даже не зная этого, потенциальную возможность инакомыслия, что и проявлялось в периодической смене господствующего нравственного идеала.* Открытое выступление против господствующей власти в первом глобальном полупериоде, как и практически в условиях господства любого синкретического государства, подавлялось силой. При Сталине складывались ситуации, когда об открытом протесте даже подумать было невозможно. В условиях господства пятой версии псевдосинкретизма положение изменилось. Хрущев, так же как и некогда Ленин, был убежден, что естественность и разумность создаваемого порядка неизбежно делает всех единомышленниками, все, по его мнению, кроме сумасшедших, должны были думать, как он. Расползание разномыслия, видимо, вызывало у Хрущева недоумение и озлобление, что и проявлялось на знаменитых встречах с интеллигенцией. Кроме того, «оттепель», цензурные послабления, хотя и неустойчивые и временные, давали некоторую надежду на либерализацию.

Слабость разномыслия объяснялась опустошением, которое сталинский террор внес в духовную элиту, в культуру вообще, в ряды людей, способных иметь собственное суждение. Для атмосферы того времени характерно, что даже в 1968 году, когда в ответ на советскую интервенцию в Чехословакии несколько человек вышли с протестом на Красную площадь, среди интеллигенции циркулировала версия, что «этого не может быть, это очередная провокация КГБ».

Однако постепенно положение изменилось. Разномыслие в конечном итоге стало повседневностью. Оно стимулировалось

реальностью, про которую мой отец сказал, что «были времена похуже, но не было подлей». Сложившийся порядок отличался вышедшей на самую поверхность жизни двусмысленностью, постоянной необходимостью во имя сохранения порядка совершать бессмысленные действия. Это приводило к потере существующим порядком своего нравственного основания, к разрыву со здравым смыслом, что постепенно осознали многие. Возникло то движение, которое получило название диссидентства.

Если при Сталине люди не ощущали возможности альтернативы, то диссиденты, само их существование делали такую альтернативу зримой для каждого человека. Этот диссидентский вызов у весьма многих породил сильное раздражение и даже ненависть к возбудителям нравственного беспокойства. Подавляющее большинство разделяло основное заблуждение массового сознания, т. е. веру во всеислие начальства, в его способность смолоть в порошок любое противостояние, относилось к открытому разномыслию негативно, рассматривая его как безумие, в лучшем случае как нечто совершенно бесполезное, так как «начальство делает что хочет», а в худшем случае как провокацию, как действие, которое объективно «играет на руку нашим врагам», как то, что, озлобляя начальство, тем самым мешает прогрессу демократии. Когда диссиденты стали собирать деньги для поддержки семей политзаключенных, я обнаружил, что среди моего окружения оказалась крайне мало людей, к которым можно было обратиться с подобной просьбой. Некоторые выражали беспокойство по поводу бесконтрольности движения этих денег, — не скрывается ли под благородным предлогом чистое мошенничество. По сути дела, это был все тот же страх перед оборотничеством, перед обманом, который некогда высказал мой школьный приятель Герман Г., — что любая неконтролируемая группа молодежи может стать объектом проникновения иностранных шпионов. Мы постоянно жили не в себе, в страхе, что мы окажемся жертвами собственного простодушия и чьих-то козней.

Правящая элита пыталась сформулировать свое отношение к диссидентскому движению. Теоретически оно заключалось в согласии с тем, что человек может иметь свое мнение по любым вопросам. Тем самым правящая элита косвенно признала, что господствующая идеология есть некоторый условный консенсус. Она согласилась с тем, что бессмысленно контролировать саму мысль в человеческой голове. Тем не менее запрещались передачи, обсуждение, проповедь этой мысли, обнаружение ее перед иными лицами, распространение, а также хранение соответствующих текстов. Тем самым правящая элита

вступила в ожесточенную борьбу с разномыслием, значение которого для общества, вопреки массовым представлениям, оказалось исключительно важным. Диссиденты далеко не всегда были связаны культурными нитями с подавленной в прошлом духовной элитой, но иногда получали импульсы от уцелевших носителей катакомбной культуры, которая чудом сохранилась в щелях разрушенного здания. Эта катакомбная культура несла в себе остатки какой-то иной культурной реальности, иных взглядов на мир. Новое нравственное движение содержало прежде всего стремление личности сохранить свое «Я», свои личностные представления, личностную культуру, что объективно, независимо от конкретного содержания этих представлений противостояло псевдосинкретизму как таковому, его гибриднему характеру, попыткам превратить разнородные элементы культуры в средство решения медиационной задачи. Само появление этих людей, независимо от конкретных идей, которые они несли, означало, что в обществе раздались сигналы бедствия. Они, с одной стороны, касались конкретных людей, преследуемых за мысль, но, с другой стороны, постоянно, объективно, независимо от желания их носителей говорили, кричали о возможности иной мысли, иной нравственной позиции. Более того, эти люди постоянно говорили о том, что в обществе происходит нечто страшное, чудовищное, что в нем уничтожается человек во имя все менее понятных абстрактных сменяющих друг друга идей. Им навстречу шла литература, которая там или здесь пробивала цензурные рогатки, пыталась раскрыть бездну нравственного падения, в котором оказывалось общество, ослепшие, оглохшие люди. В обществе появилась мысль, что если при Сталине судили «ни за что», то теперь судят «за Правду», судят тех, на ком, по древнему представлению, «мир стоит». Разумеется, эти мысли не были господствующими, и ненависть к диссидентам даже среди образованных кругов была достаточно велика. Тем не менее крот продолжал копать, готовя новую инверсию. Непреодолимая сила этого нравственного движения заключалась вовсе не в возмущении людей вторжением в Афганистан или другими подобными акциями власти. Много ли можно насчитать людей, которые могли сказать, что они тогда, в те трагические дни были (хотя бы внутренне, перед лицом своей совести) против этого безумного акта? Локальное и одновременно авторитарное сознание советского человека в лучшем случае приходило к выводу, что все подобные действия лично от него не зависят и, следовательно, его не касаются, «им там виднее», т. е. они не являются для личности нравственными проблемами. В худшем же случае имперские

амбиции, вера в нашу вселенскую Правду толкали к искреннему массовому одобрению всех этих акций. Новое нравственное движение имело иной неиссякаемый источник: господство псевдосинкретизма означало не столько «плохую жизнь», сколько абсурдную, вступающую в противоречие как с архаичным синкретическим, так и с либеральным сознанием, а также с сознанием утилитарным. Например, мальчика Чика «удивляло и потрясало противоречие» между разрешением держать в городе корову и запретом ее пасти¹⁰. Вся жизнь состояла из таких парадоксов, постоянно возбуждавших людей. Подобные явления, которые пронизывали всю повседневную жизнь, постоянно стимулировали медленный, но неуклонный рост массового дискомфортного состояния. Более того, тем самым подрывалось древнее представление о Правде, формировалось представление, что жизнь идет не по Правде, что она вся погрязла во лжи. Значение этого явления в полном объеме раскрылось не сразу. Оно порождало в обществе серьезное нравственное беспокойство, тревогу за судьбу страны. Этому движению, однако, была присуща и определенная слабость — недостаточное внимание к интерпретации этих нравственных идей на языке социальных и экономических наук. Тем не менее нравственное движение стимулировало рост дискомфортного состояния, инверсию, подрывающую основы авторитаризма и шестую версию псевдосинкретизма.

Существенное значение имел получивший сильное влияние *антисемитизм*. Отождествление зла с евреями как с антигетемом — старая традиция в России. Еще в Смутное время тем, кто пытался воспрепятствовать избиению польско-литовского войска, говорили: «Вы жида, как и Литва». Петра I в народе называли «жид проклятый». Тем самым культивировалась точка зрения, что власть находится в руках оборотней.

Язык антисемитизма был понятен разным слоям общества и служил важным средством коммуникации. На этом языке люди объясняли свои личные неудачи (например, отказ в приеме на работу может быть объяснен кознями евреев, продавец в магазине может обрушить свой гнев на недовольную очередь, выражая желание, чтобы еврей, возмущивший людей, отправился в Израиль). То обстоятельство, что в данном учреждении или очереди могло вообще не оказаться евреев, не имело значения, так как мифологическое сознание уверено как в способности оборотня скрываться, так и в своей способности разоблачать оборотней. Язык антисемитизма может быть распространен на чисто природные явления. Например, был отме-

¹⁰ Искандер Ф. Из рассказов о Чике. 1977.

чен случай, когда человек, застигнутый непогодой, воскликнул: «Жида проклятые!»

На языке антисемитизма шел скрытый спор голосов России. Почва выражала свою антипатию власти, используя язык антисемитизма. Было широко распространено убеждение, что власть попустительствует, потакает евреям и, в сущности, объективно идет у них на поводу в результате то ли легкомыслия и безответственности, то ли прямого подкупа. Например, человек лет шестидесяти в московском автобусе высказал во всеуслышание неодобрение власти, которая якобы позволяет евреям вывозить в Израиль золото, чтобы потом использовать его «против нас, русских». Подобные настроения существовали и среди определенной части почвенной интеллигенции, которая была убеждена, что КГБ — гнилая организация и совершенно не в состоянии докопаться до хорошо законспирированной деятельности сионистов.

Власть, в свою очередь, отвечала также на языке антисемитизма, пытаясь снять всеми средствами всякие следы своей связи с евреями, во-первых, оттеснением евреев с руководящих постов и, во-вторых, своей активной борьбой с сионизмом в мировом масштабе.

«Евреи» являлись своеобразной этикеткой зла, которую можно наклеить куда угодно. И. Бунин отмечал, что «левые» все «эксцессы» революции валият на старый режим, черносотенцы — на евреев. А народ не виноват! Да и сам народ будет впоследствии валить на другого — на соседа и на еврея: «Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жида на все это дело подбили...»

Налицо стремление описывать мироздание в дуальной позиции: «еврей — нееврей». Сама возможность антисемитизма опирается на господство в массовом сознании манихейской картины мира, в которой в разные периоды меняются ярлыки зла и добра. Возможность антисемитизма в интеллигентском сознании вполне подготовлена представлениями, что история движется различными злыми, корыстными тайными или явными субъектами: буржуями, масонами, партийной бюрократией, которые постоянно дезорганизуют мир своей слепой погоней за прибылью, закрытыми распределителями, кражей последнего куса хлеба у голодного и убогого. Эти силы делают что хотят, и народ ответственности за них не несет. Эта схема, которая ничего не знает о культуре как форме реальности, прямо просится быть выраженной на языке антисемитизма.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ

В стране продолжалось воспроизводство на технической основе индустриализации. Накапливались гигантские средства производства, что существенно усложняло систему управления хозяйством, сложность которого давно перешла предел возможности для дорыночного натурального хозяйства. Максимальные темпы хозяйственного роста конца 40-х — начала 50-х годов уже были абсолютно недостижимы. Вовлечение в оборот гигантских материальных ресурсов не сопровождалось адекватным развитием конструктивной напряженности, требующей неуклонного повышения эффективности — как социальной, так и чисто экономической — от каждого нового вовлеченного в оборот рубля капиталовложений. Попытка управлять потоками ресурсов без соответствующего механизма всеобщей связи неизбежно приводила к стремлению части и целого получать эффект за счет друг друга, что в конечном итоге приводило к истощению ресурсов, к общей социальной дистрофии. В результате показатели неуклонно ухудшались. Например, среднегодовые темпы роста национального дохода упали с 9% в 50-е годы до 4,4% в первой половине 60-х годов и продолжали падать и в 70-е годы. С конца 50-х годов темпы экономического роста постоянно падали и снизились к середине 80-х годов почти до нуля¹¹.

Хотя в 1974-1975 годах наблюдалось кризисное ухудшение экономических показателей, тем не менее десятилетие 1971-1979 годов можно при поверхностном взгляде рассматривать как сравнительно благоприятное. Однако в это время медленно, но неуклонно накапливались скрытые, по сути катастрофические процессы. В эти годы страна обогнала США по многим важным натуральным показателям, что примитивному хозяйственному мышлению, ориентированному на натуральные показатели, казалось победой. Между тем за этим скрывалось накопление разрушительной дезорганизации, снижение способности общества как субъекта воспроизводить это невиданное в истории хозяйственное чудовище. Только за две последних пятилетки шестого этапа сельское хозяйство поглотило около 600 млрд. руб. государственных инвестиций, дав нулевой прирост чистой продукции. Один этот факт сам по себе — приговор «социалистической» колхозно-совхозной системе, он свидетельствовал о внутренней неразрешимости проблем ее развития, о неспособности общества преодолеть груз унаследованных отсталых форм труда, выработать культурные

¹¹ Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 58, 53, 91.

принципы, способные стать основой качественного прогресса воспроизводства.

Хозяйственное развитие на доэкономической основе непрерывно приводило к росту расточительных издержек производства, сдерживаемому чисто административными методами. Это требовало неуклонного перераспределения ресурсов в пользу расточительного производителя, который, пользуясь своей монополией на дефицит, постоянно стремился переложить издержки на потребителя. Общий уровень цен на товары и услуги в 1971-1983 годах вырос не менее чем на 43%, т. е. примерно на 3% в год.

С 1979 года начало падать производство стали, угля, чугуна. Неэффективное натуральное хозяйство требовало возрастающих вложений. Уменьшилось производство мяса, молока, масла. Непрерывно ухудшались и другие показатели: росла материалоемкость и энергоемкость продукции, непрерывно создавались рабочие места, не обеспеченные рабочими, и т. д. В верхах началась глухая борьба¹², связанная с необходимостью изменений в структуре хозяйства.

Дальнейшая деградация хозяйства была, однако, сильно заторможена хлынувшими в страну нефтедолларами. За вычетом этих доходов, а также доходов от продажи алкоголя общество не имело бы роста национального дохода, а в конце этапа имело бы место его сокращение.

Складывается впечатление, что хозяйственные показатели на этом этапе мало зависели от хозяйственной политики. Можно предположить, что мероприятия правительства в лучшем случае тормозили ухудшение хозяйственных показателей. Из этого следует, что в основе хозяйственного развития лежали механизмы, которые были неподвластны высшей власти и неизвестны советской науке.

ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

В 1965 году произошло важное событие, значение которого тогда было трудно осознать: появились первые бюджетные дотации государства на потребительские цены, которые составили 3,6 млрд. руб. Государство, опираясь на административную власть, на концентрацию в своих руках монополии на дефицит, сохраняло в зависимости от себя все общество. Этот порядок мог более или менее эффективно функционировать при отсутствии всякой иной значимой системы циркуляции

¹² См.: В. С. Павлов отвечает на вопросы «Известий»: Исповедь премьера// Известия. 1991. 15 июня.

ресурсов, которая могла бы ослабить монополию на дефицит государства и тем самым ослабила бы зависимость от него определенных элементов общества или даже общества в целом. Псевдосинкретическое государство предотвращало эту нежелательную для него опасность прежде всего тем, что поддерживало господство натуральных отношений, держало денежную систему, финансы в качестве второстепенного ограничителя растраниживания ресурсов. Установленный государством порядок позволял сбалансировать доходы граждан с получаемыми натуральными продуктами, используя различные способы нормирования отпуска потребительских товаров, в первую очередь продовольствия, начиная от системы карточек до ограничения отпуска продуктов в одни руки. Запрет на независимую торговлю, которая всегда рассматривалась как спекуляция, позволял худо-бедно поддерживать этот порядок. Потребитель в этой системе мог потреблять столько, сколько государство считало нужным и возможным ему выделить. При этом государство могло руководствоваться разными соображениями, поддерживая одни группы и обрекая на прозябание и вымирание другие. Основная суть системы от этого не менялась, поскольку затраты на рядового потребителя выступали только лишь как одна из форм издержек производства, которую было снижать легче, чем другие.

Но подобная система могла еще как-то функционировать в условиях первого полупериода, когда определяющая инверсионная волна, хотя и не без колебаний, шла от соборности к авторитаризму, к тоталитаризму, когда издержки на значительную часть населения можно было еще снижать, отправляя людей в лагеря или опираясь на державшийся еще энтузиазм сторонников уравнительности. Однако положение стало меняться, когда инверсионная волна, совершая определенные колебания, повернула назад. Усилились нажим снизу, давление потребителя, направленное на увеличение его доли среди других издержек производства. Это сопровождалось активизацией поисков иных, независимых от государства, источников потребления. В этом же направлении действовали распространявшиеся в обществе идеи развитого утилитаризма, которые позволяли рассматривать реальные и потенциально возможные доходы как функции от результатов труда. Следовательно, необходимо было установление зависимости дохода от личного или коллективного трудового вклада. Давление массового потребителя стало препятствием для попыток государства повышать цены на потребительские товары в соответствии с ростом издержек производства. Таким образом, государство, с одной стороны, не имея соответствующих рычагов для снижения из-

держек производства, вынуждено было устанавливать цены, их компенсирующие. Но, с другой стороны, оно вынуждено было устанавливать розничные цены, отвечающие в минимальной степени сложившимся доходам и определенному нажиму снизу. Эти два взаимоисключающих, взаимодезорганизующих, взаиморазрушающих требования привели к попытке государства вполне в духе псевдосинкретизма попытаться удовлетворить и то, и другое, вводя дотацию из бюджета, покрывающую эту разницу.

Следует притом отметить, что в первом глобальном полупериоде советской системы сложился огромный разрыв между низкими закупочными ценами на продукцию сельского хозяйства и розничными ценами на нее. Первые составили от вторых 15—10% и менее. Разница поступала в распоряжение высшей власти. Однако во втором глобальном полупериоде нарастающие силы локализма все менее могли мириться с этим бесцеремонным ограблением, так как они не могли воспроизводить свою собственную жизнь¹³. Происходила мощная перекачка ресурсов из сельского хозяйства. «Так, за проданный государству центнер зерна в 1953 г. труженики села могли купить в 15—20 раз меньше промышленных изделий, чем в 1928 г.»¹⁴. Теперь инверсионный маятник качнулся в противоположную сторону. С 1953 года закупочные цены на зерно повышались 9 раз, на картофель и овощи — 11, скот и птицу — 12, молоко и молочную продукцию — 9 раз. Общий уровень закупочных цен с 1955 года повысился в 4,6 раза. Власть под давлением локальных сил повышала закупочные цены, т. е. шла навстречу производителю, и одновременно под давлением массового потребителя не повышала розничные цены.

В результате дотация стала важнейшей категорией, фиксирующей способность архаичной государственности концентрировать и распределять дефицитные ресурсы, используя ее как средство, обеспечивающее социальное равновесие расколотого общества и компенсирующее последствия нарушения закона соотношения отраслей. Дотация на дорыночной основе усиливала значение затратного механизма, поощряя рост индивидуальной себестоимости, во всяком случае — препятствуя ее снижению, создавая ситуацию для иждивенчества и расточительства производителей. Дотация — важнейший элемент псевдоэкономики, современная форма древней способности общества воспроизводить себя посредством

¹³ См.: Кожин Л. Н. Радикальная реформа цен — путь к антизатратной экономике. М., 1989. С. 88.

¹⁴ Буздалов И. Н. Прибыль и материальная заинтересованность работников сельского хозяйства. М., 1967. С. 12.

принудительной циркуляции ресурсов, приобретающая патологический характер в условиях сложных хозяйственных форм, связанных с ростом и развитием.

Господство патологических цен в условиях псевдосинкретизма объяснялось нарушением закона соотношения хозяйственных отраслей, развитием промышленности в рамках натурального хозяйства, отсутствием рынка во взаимодействии промышленности и сельского хозяйства как определяющего фактора их взаимопроникновения. Следовательно, циркуляция ресурсов, включая и ресурсы, идущие на инвестиции, основывалась не на потребностях и возможностях общества, выраженных в демократии рынка, в платежеспособном спросе миллионов, но на случайных, утопических представлениях тех или иных представителей правящей элиты. С их стороны это не было узурпацией. Миллионы людей, выше всего ценившие уравнительность, замыкавшиеся в своих локальных мирах, фактически предоставили право решений людям, которые могли имитировать свою общность с «Мы».

Механизм спроса и предложения теоретически предусматривает в случае возрастания спроса на тот или иной продукт соответствующее повышение цены, что, с одной стороны, отесняет с рынка часть наименее платежеспособных потребителей, а с другой стороны, открывает возможность для перелива капитала, получаемого за счет более высоких цен, для увеличения производства, что в конечном итоге позволит снизить цену. Для того чтобы этот механизм действовал, нужны вполне определенные условия, прежде всего свобода установления цен, конкуренция, возможность свободного перелива капитала. Должно быть еще одно важное условие, носящее социально-психологический характер — способность общества в случае резкого повышения цен согласиться с вытеснением соответствующих потребителей с рынка, в случае соответствующего снижения цен согласиться с закрытием нерентабельных производств (т. е. с их банкротством).

Нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей в России привело к тому, что ни одно из указанных условий не выполнялось и не могло быть выполнено. В этом обществе не было ни свободных цен, ни конкуренции, ни возможности перелива капиталов. Это общество не могло решиться на лишение значительной части потребителей возможности получать определенный минимум ресурсов. Это общество также не могло позволить себе закрыть нерентабельные предприятия, так как опасалось социальных последствий, а также потому, что эти предприятия выпускают дефицитную, возможно, жизненно важную для определенных слоев общества продукцию. Су-

существует еще ряд препятствий для действия теоретически безукоризненного механизма, устанавливающего равновесие спроса и предложения. Его бездействие не позволяет формировать взаимоприемлемые цены в разных отраслях. Строго говоря, им неоткуда взяться, так как в расколоте обществе цены на разные товары имеют принципиально разные условия возникновения. Цены не формировались на общей экономической почве. Производители не стремятся друг к другу на основе общего поиска минимизации издержек, на основе уравнивания своих доходов и их общего повышения, на основе общего прогресса, приводящего к взаимопроникновению достижений, что в конечном итоге и создает общую основу для экономически обоснованной циркуляции ресурсов.

Российское общество не смогло преодолеть свою замкнутость перед лицом патологического процесса — дальнейшего наращивания гигантских ресурсов на натуральной основе, не проходившей рыночную апробацию на экономическую и, в конечном итоге, на социальную эффективность. Разумеется, это не специфика именно шестого этапа. Но именно здесь сложность патологического хозяйства приблизилась к критической точке, даже если взять чисто хозяйственный аспект.

УПАДОК ПОЗДНЕГО АВТОРИТАРИЗМА

Власть, опирающаяся на авторитаризм, была не в состоянии добиться эффекта при решении ни сравнительно мелких, ни крупных задач, доказывая свое банкротство на всех уровнях. Она не могла приостановить рост социальной дифференциации, наладить денежное обращение. Не решались и такие проблемы, как, например, восстановление прав крымских татар. Начальство предпочитало воздействовать на те сферы, в которых чувствовало себя уверенно, и не склонно было вторгаться в сферы, угрожающие стихийными, возможно, опасными последствиями.

Вместе с тем не решались и те вопросы, на которых, как кажется, концентрировались максимальные усилия. Освоение капиталовложений имело место обычно на 100—120%, но по вводу в действие производственных мощностей план обычно выполнялся не выше, чем на 50-60%. Смета как плановый документ имела весьма малую цену, фактически расходы превышали предусмотренные в 1,5-2 и даже в 4 раза. Проектировщики при существовавшем порядке были заинтересованы в дешевом строительстве, но не в высоком качестве проектов. Инвестиционный процесс затягивался на 8-12 лет, что является безумной расточительностью. Цикл строительства от

проектирования до ввода в эксплуатацию объекта занимал в среднем более десяти лет. Нормативы сроков строительства были примерно в два раза выше фактических сроков за рубежом. По данным за первые два года девятой пятилетки видно было, что сроки строительства растягивались вдвое, не говоря уже о длительном предпусковом и пусковом периоде, которые за рубежом в общей сложности составляют полгода.

Объем незавершенного строительства опережал рост капиталовложений. Если в 1965 году объем незавершенного строительства, исчисляемый от сумм капиталовложений, составлял 69%, то в 1974 году он достиг 77%, в 1977 — 85%. О необходимости решительных мер в области использования капиталовложений А. Косыгин и Л. Брежнев говорили на каждом партийном съезде, тем не менее не ощущалось каких-то признаков перемен. Страх перед усилением дезорганизации не только активизировал авторитаризм, но и еще в больших масштабах его парализовал, открывал путь хромающим решениям. Общество на шестом этапе, как и в прошлом, оказалось неспособным решать сложные задачи. Оно постепенно вновь пошло по пути инерции прошлого опыта, поворачиваясь к альтернативному нравственному идеалу.

Судьба господствующего идеала решалась в бесчисленных сообществах, где ощущалось неуклонное падение авторитета непосредственного начальства, что и означало неуклонный отход широких масс от шестой версии псевдосинкретизма. В частности, люди не приветствовали попытки поднять престиж Брежнева. Даже факт водружения его бюста на родине вызвал явное недовольство. Не существовало такой силы, которая могла бы обратить вспять этот процесс. В этой ситуации попытки усиления авторитаризма не только не опирались на массовую инверсию, но и вступали с ней в конфликт, что всегда губительно для господствующего идеала.

Поворот шестой версии псевдосинкретизма к упадку произошел между XXIV (1971) и XXV (1976) съездами КПСС. Последний съезд характеризовался отступлением высшего руководства перед натиском локальных сил. Это выразилось прежде всего в резком снижении планируемых показателей. Темпы роста капиталовложений в народное хозяйство составляли по плану 4,6%, тогда как на период 1966-1975 годов планировалось 7,4%. Для сравнения можно указать, что на 1929-1940 годы соответствующий показатель составил 17,9%. Запланированные темпы роста продукции составляли 6,5%, тогда как на 1966-1976 годы планировалось 7,9%, на 1929-1940 годы — 15,8%. Предусматривалось снижение темпов прироста сельскохозяйственной продукции по сравнению с пе-

риодом 1966-1975 годов. Эти цифры говорят о том, что в борьбе высшей власти и ведомств решающую победу одержали ведомства, заинтересованные не в росте количества продукции, а в укреплении своей монополии на дефицит. XXV съезд ознаменовал также уменьшение веры правящей элиты в свою способность обеспечить существенные позитивные изменения. Сравнение материалов XXIV и XXV партийных съездов говорит о том, что энтузиазм высшего руководства, связанный с перспективами научно-технического прогресса, заметно упал. Выдвинутый XXIV съездом тезис о зависимости производства от уровня благосостояния беспрецедентен для общества, в представлении которого производство вещей есть основа жизни. То же можно сказать и о тезисе соединения научно-технической революции с преимуществами социалистического строя. Первый из них остался незамеченным, не нашел отражения в советской социальной литературе. Что же касается второго, то он склонялся на все лады, но реально не был конкретизирован и разработан, был сведен к тривиальным идеям внедрения новой техники и развития науки. Советская общественная наука не смогла оказать практической помощи власти в ее попытках сохранить контроль над социальными процессами.

Постепенно выявились симптомы новой инверсии, подрывающие базу, на которую опирался авторитаризм. В сообществах происходили важные процессы. Возрастало значение личности. Это отчасти объясняется спецификой современного производства, усложнением техники и организации, что требует от человека роста инициативы и ответственности, а следовательно, и ослабления непосредственной зависимости от начальства. В этом направлении действовал утилитаризм.

Упадок авторитаризма проявлялся в неуклонном перераспределении монополии на дефицит: снижалось значение высшей власти и повышалось значение ведомств и отдельных регионов, предприятий. Постоянное усложнение экономики требовало смещения ответственности за дефицит вниз, что совпадало с общей тенденцией усиления локализма, начавшегося уже после краха крайнего авторитаризма и выразившегося в возрастании ценности низов. «Значение горизонтальных обменов непрерывно росло... К концу брежневского периода на долю таких обменов в совокупности приходилось более $\frac{2}{3}$ всех распределявшихся в стране ресурсов... В результате резко расширились массовые экономические и политические права населения, руководителей и организаций». Вопреки мировой практике это привело к тому, что между исполнителем и начальником стали действовать отношения, «в которых никто

никому ничего не должен»¹⁵. Власть поддавалась этому массовому давлению снизу, что сказалось в попытке описать изменяющуюся реальность и свои намерения изменить ситуацию к лучшему на знакомом языке товарно-денежных отношений. Попытка реформы 1965 года известна не столько своими хозяйственными последствиями, сколько определенным идеологическим поворотом, переходом описания хозяйственной реальности с языка директивного планирования (фонды, нормативы и т. п.) на язык прибыли, хозрасчета и т. п. Это означало, что правящая элита склонна была отступить перед нарастающим нажимом низших уровней держателей монополии на дефицит, что выражалось на неадекватном языке товарно-денежных отношений. Этот идеологический поворот мог иметь далеко идущие последствия, что выявилось далеко не сразу; он был симптомом процесса, ведущего авторитаризм к краху, обществу — к переходу на следующий этап.

Глубокой движущей силой новой инверсии было возрастающее стремление человека добиться независимости в сфере производства и потребления, ограничить свою зависимость от медиатора во всех сферах жизни, отойти от вялых инверсий, от не оправдавшего себя авторитаризма. Это стремление в свое время сокрушило сталинизм. Рост самостоятельности личности открывает творческие возможности, новые источники инициативы, без которой общество задыхается. Но этот процесс имеет и обратную сторону. Усиление независимости личности от власти и организации, если эта независимость не дополняется совершенствованием социальных интеграторов, если более свободная личность не включается в целое, неизбежно становится фактором разрушения целого. Одним из выражений этого процесса являлось повсеместное падение трудовой дисциплины, неспособность начальства полноценным образом интегрировать работника в трудовой процесс. Один читатель пишет, что «многие молодые люди в наше время впервые встречаются с необходимостью послушания, только будучи призваны в армию»¹⁶. На основе умеренного авторитаризма трудно было решать задачи укрепления дисциплины. Например, в одном письме из Харькова было высказано мнение, что «слово „дисциплина“ не согласуется с социализмом»¹⁷.

Личность самоутверждается тем, что во все большей степени использует свое учреждение, свое рабочее время, рабочее место для личных целей. Эти цели могут быть различными.

¹⁵ *Найшуль В.* Бюрократический рынок: Скрытые права и экономическая реформа // Независимая газета. 1991. 26 сент. С. 5.

¹⁶ Литературная газета. 1979. 21 февр.

¹⁷ Там же. 28 февр.

Наиболее простая — снижение интенсивности труда. Другая цель — использование своего положения для левых заработков любыми средствами, для использования государственного сырья, оборудования и т. д. Все это усиливало стремление сообществ к независимости от высшей власти. Известный диссидент Подъяпольский, вспоминая о положении дел в Институте физики Земли, где он несколько лет работал, говорил о том, что многочисленные подразделения института «жили в значительной степени своей собственной жизнью, имели собственный микроклимат и занимались собственными проблемами, зачастую определяемыми личными склонностями их руководителей. Неоднократные на моей памяти попытки дирекции института объединить деятельность всех отделов под флагом одной или нескольких крупных научных проблем не имели по этой причине реального успеха». В этом направлении двигалось все общество, все его этажи, включая самый высший.

В обществе шла постоянная борьба между правящей элитой и ведомствами. Например, общесоюзное законодательство парализовывалось так называемым «малым законодательством» в форме ведомственных инструкций, циркуляров и т. д. «Малое законодательство» — мощное оружие локальных интересов — может проигрывать сражения, но выигрывает войны. Руководителям предприятий еще в 1955 году было дано право использовать в течение года сэкономленный за предыдущие кварталы фонд зарплаты, что помогло бы освоению трудоемкой продукции. Всего через полтора месяца Госбанк принял контрнаступление — его инструктивное письмо фактически ликвидировало это право. В новом «Положении о предприятии» это право вновь подтверждалось. Госбанк не сдал позиций, об этом говорит, например, приказ от 8 января 1971 года. Фактически «малым законодательством» ведомств непосредственно была парализована хозяйственная реформа 1965 года.

Локализм в экономике неуклонно нарастал, подрывая авторитаризм. Об этом свидетельствуют обширные материалы в печати, касающиеся управления. «Правда» считала, что повышение эффективности управления и производства мешало то, что «каждое министерство решало проблему локально, исходя из своих собственных разумений, прав и возможностей. Поэтому изъяны ведомственного подхода дают о себе знать все острее»¹⁸. Бригадир из Брянска писал, что «интересы рабочего, бригады и участка еще не завязаны в тугую единый цеховой или заводской интерес. Поэтому нет единой ответственности.

¹⁸ Правда. 1979. 10 июня.

От рабочего что требуется? Дать деталь. От бригадира — узел, от цеха — комплект. Деталей мы сможем наштамповать сотни, тысячи, полного же комплекта может и не быть. „Биться“ за этот комплект никакого стимула нет. Потому что спрашивают и платят рабочему за детальку-штучку. Вот так и „рассыпается“ какая-нибудь машина по разным цехам на тысячи разных винтиков. К тому же одни винтики бывает выгодно делать, а другие — нет»¹⁹.

Транспортные организации были не заинтересованы в своевременной перевозке грузов и поэтому не вступали друг с другом в контакт для переброски грузов с одного вида транспорта на другой. Отсюда — «большие потери, связанные с тем, что лес и другая продукция народного хозяйства месяцами не вывозится»²⁰. Каждая транспортная организация руководствуется вовсе не общими интересами, которые неизвестно в чем заключаются, а своими локальными ценностями. «Представители разных видов транспорта устраивают на перегрузочных пунктах громоздкие переучеты, перепроверки, даже заставляют вручную разбирать пакеты груза, а потом опять собирать. Осложняет работу практика, при которой груз на своем пути успевает побывать на пяти и более складах, да еще и гостит в каждом из них неделями, а то и месяцами. Это ведет к порче многих продуктов, к нехватке подъемно-транспортных машин, вагонов, складов и рабочей силы»²¹.

Самостоятельность низов приобретала подчас острые формы. Можно было наблюдать, как директорами заводов фактически руководят начальники цехов, способные согласно собственным соображениям даже приостановить производство. В этой ситуации все больше трудностей возникало при попытках решения новых сложных задач. Вначале создавать новые сообщества было сравнительно легко. Они возникали подобно тому, как некогда дробились крестьянские хозяйства. Из старых выделялись новые ведомства, исследовательские и проектные организации и т. д. Медиатор создавал организации почкованием. Большие ресурсы рабочей силы позволяли создавать новые предприятия. Поскольку новые сообщества специально организовывались для решения конкретных задач, они подчас успешно функционировали. Достаточно указать на систему организаций, связанных с программой освоения космоса. Постепенно, однако, выяснилась невозможность бесконечного создания новых сообществ путем «деления» для решения лавины новых задач. Новые задачи дробились между многочисленными-

¹⁹ Правда. 1979. 22 июля.

²⁰ Там же. 27 июля.

²¹ Там же. 24 июня.

ми организациями, что приводило к возрастающим потерям. Сфера интересов старых сообществ лежала в области защиты своей монополии на дефицит, а вовсе не в решении новых задач, навязываемых начальством. Сообщества принимали эстафету старых локальных миров: «Там, где новизна, там и кризис».

Наглядный пример — процесс формирования Братско-Илимского территориально-производственного комплекса для строительства Братской ГЭС, где обнаружились трудности в создании единого руководства строительством с единой стратегией освоения природных ресурсов. Ведомственная разобщенность оказалась источником огромных убытков. Несколько лет прошло, пока ведомства договаривались между собой о доле участия в строительстве железнодорожной магистрали. Постоянно возникали диспропорции в развитии экономики территории. Электростанции были построены значительно раньше предприятий — потребителей энергии. Отсюда серьезная проблема реализации электроэнергии. Сам город Братск стал как бы материализацией ведомственности: он состоит из нескольких изолированных друг от друга поселков, каждый из которых имел собственную канализацию, систему энергоснабжения, телефонную связь, систему снабжения топливом. Разве не поразительно, что общество с самым мощным в истории человечества централизованным аппаратом планирования не в состоянии строить города? Причина элементарно проста — у города не было своего ведомства. Серьезными конфликтами было отмечено распределение общих затрат, главным образом на производственную и гражданскую инфраструктуру города. Каждое ведомство преследовало цель уменьшения своей доли затрат.

Автаркия, свойственная ведомствам, влекла за собой полнейшую беспомощность при выработке общей точки зрения. Новые общие задачи ставили каждое ведомство в затруднительное положение, угрожая относительно устоявшимся формам деятельности, требуя напряжения и издержек, не оправданных его собственными интересами. Поскольку же в условиях господства монополии на дефицит ведомству не угрожала опасность остаться не у дел, наибольшую угрозу ему несли возможные убытки, которым оно всеми силами противилось, сваливая их на другие ведомства или пытаясь вообще выйти из игры. Рост замкнутости обострял борьбу за дефицит, за свои особые интересы. Шла борьба между отраслевыми и территориальными организациями. Выявился определенный симптом некоторого усиления последних.

Уменьшение престижа власти первого лица неизбежно подорвало усилия авторитаризма, направленные против перемещения центров воспроизводства вниз. Обострение социокультурного противоречия дошло до крайних форм. Оно развивалось как противоречие между ценностями автаркии и большим обществом, между ценностями авторитаризма и локализма внутри воспроизводственного процесса.

Сами локальные ценности в результате роста утилитаризма не остались неизменными. Миллионы людей все больше отдалялись от ценностей сельской общины и патриархальной семьи, что усиливало локализм на основе личностного утилитаризма в противовес коллективистскому, машинному. Эта форма утилитаризма развивалась главным образом вне легальных рамок, готовя новую инверсию. Одновременно усиливался локализм, направленный как против личностного, так и против общегосударственного утилитаризма, против общества-общины.

Складывалось впечатление, что дело и «недело» менялись местами. Истинное дело концентрировалось вокруг того, что официально считалось халтурой, спекуляцией, подпольным производством, шабашничеством и т. д. Жизнь уходила из сообществ, чтобы утвердиться в любом не занятом в обществе пространстве. Общество сохраняло жизнеспособность не потому, что люди следовали правилам и инструкциям, а благодаря тому, что их нарушали. «Комсомольская правда» за октябрь 1976 года приводит слова бригадира на строительстве совхозного склада: «Не украдешь — не построишь». Жизнь общества определялась не наличием государственного народнохозяйственного плана, а каким-то неизвестным скрытым законом. Наука, литература, идеология черпали творческие импульсы из нелегального: из самиздата, из западных теорий, которые официально громились, а втихомолку заимствовались, из нелегального рынка, где можно достать не только дубленку, книгу Пушкина, но и сырье для выполнения государственного плана и т. д. Живые силы общества стали немыслимы без полуправильной творческой деятельности.

Процесс ухода жизни из системы создавал новые источники творчества, но в конечном итоге подрывал существование медиатора, отсасывая из него энергию, укрепляя маленькие, но мощные противостоящие ему локальные миры. Усиление автаркии локальных миров приводило к обескровливанию всех центров общества, которые не могут существовать, не получая от них социальную энергию. Это приводило к дистрофии наиболее сложных, внутренне многообразных форм деятельности, высших центров распределения дефицита, т. е. высшей власти,

городов, промышленности, науки и т. д., которые вынуждены были бороться с аварией локальных миров, с их нежеланием и неспособностью снабжать эти центры своей энергией. Но это означало проедание основного капитала общества, дальнейшее сведение затрат на технологию к голодному минимуму, что в конечном итоге разрушало производство, необратимо снижало качество на всех уровнях, делало его поддержание возможным лишь в ограниченных анклавах ценой возрастающих усилий, которые сами приводили к дальнейшему усилению дистрофии.

Таким образом, система позднего умеренного авторитаризма содержала в себе не только обычные признаки кризиса, которые сопровождали окончание каждого этапа. В ней явно просвечивали черты кризиса, выходящего за рамки одного этапа. Хотя власть и пыталась проявлять бодрячество, шапкозакидательство, тем не менее было очевидно, что все параметры общества неуклонно страдали от нарастающей дезорганизации и никакие из используемых средств не могли остановить этот процесс.

Шестой этап, несмотря на существенные различия, поразительно похож на умеренный авторитаризм модифицированного инверсионного цикла прошлого глобального периода, совпавший с царствованием Николая I. Многие оценки того этапа можно отнести и ко времени правления Брежнева. Историк Н. К. Шильдер говорил о «бесцельной страсти к тайне». Граф П. А. Валуев писал о «повсеместном недостатке истины», о «недоверии правительства к своим собственным орудиям и пренебрежении ко всему другому». Он говорил, что административная деятельность «обеспечивает всеобщую официальную ложь... Отделите сущность от бумажной оболочки, то, что есть, от того, что кажется. И — редко, где окажется прочная плодотворная почва»²². Даже по словам официального апологета николаевского режима, система могла существовать лишь благодаря тому, что предписания высшего правительства на местах не исполнялись и действительная жизнь шла врозь с ними. Нельзя игнорировать оценку, данную маркизом де Кюстинем николаевской России. Он писал, что власть «скорее страшна на вид, чем прочна на самом деле». «Осадное положение сделалось нормальным состоянием общества»²³.

Правящую элиту шестых этапов двух глобальных периодов сближает военная сила, мощный полицейский аппарат, власть над ресурсами страны, а вместе с тем — недееспособ-

22 Дневник графа П.А.Валуева. 1847-1860 гг.// Русская старина. 1893. Кн. 9. С. 509.

23 См.: Лемке Мих. Николаевские жандармы и литература 1826-1855. СПб., 1908. С. 141.

способность, когда речь идет о сложных экономических и социальных проблемах, неумение предвидеть и предотвратить стихийные разрушительные процессы, неспособность обеспечить рост и развитие, слабость экономическая и техническая. И в прошлом, и в нынешнем веке целью власти не являлось абсолютное единомыслие. Власть опасалась лишь проникновения тех идей, которые, по мнению ее представителей, были бы способны породить неконтролируемые последствия. Этапы позднего умеренного авторитаризма сближает то, что страна не знала массового революционного движения, направленного против существующего строя, а духовная элита искала контактов с правящей в стремлении к реформам. Сходство заключалось и в том, что сама правящая элита скрыто шла по пути осознания необходимости перемен, но и там, и тут не хватало способности и сил провести реальные реформы. И в том, и в другом случаях наблюдалась политика ограничения крепостничества. При Брежневе она выразилась, например, в выдаче паспортов всем совершеннолетним гражданам без исключения. Глубокая общность заключалась и в страхе правящей элиты перед неконтролируемым движением масс, перед материализацией слухов.

Это сравнение шестого этапа псевдосинкретизма с царствованием Николая I — нечто большее, чем некоторая аналогия. Это два соответствующих, совпадающих этапа двух глобальных периодов. Ни на секунду нельзя забывать, что *застой, неспособность к конструктивным переменам, ориентация на застывшую силу николаевского режима стали отправной точкой движения России в пропасть, движения, завершившегося крушением медиатора.* При всей ограниченности подобного сопоставления его невозможно игнорировать. Люди в состоянии изменить ход истории, преодолеть ее инерцию, отклониться от сложившихся образцов. Однако немыслимо также и игнорировать устойчивую историческую инерцию.